

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Муродиллаева Нигина Шерзоджон кизи

*Студентка первого курса бакалавриата Наманганского Государственного
института иностранных языков*

+998996242007

E-mail: niginamurodillayeva@icloud.com

Аннотация: В работе рассматривается процесс постепенного утверждения ислама в регионе Средней Азии (Мавераннахр), начавшийся после арабских завоеваний в VIII веке. Анализируются ключевые этапы исламизации: от военных походов Кутейбы ибн Муслима и насильственного слома зороастрийских и буддийских традиций до мирной проповеди суфийских орденов (Накибандия, Ясавия) в IX–XII веках. Особое внимание уделяется синтезу исламских норм с местными доисламскими верованиями (культ святых, мазаров), что привело к формированию уникального регионального «народного ислама». В заключении показано, как к XV веку ислам стал не только доминирующей религией, но и основой государственности, права и культурной идентичности народов Средней Азии.

Ключевые слова: Ислам, Средняя Азия, Арабские завоевания, Исламизация, Суфизм, Накибандия, Мазары, Народный ислам

Annotation: This paper examines the gradual process of the establishment of Islam in the region of Central Asia (Mawarannahr), which began after the Arab conquests in the 8th century. It analyzes the key stages of Islamization: from the military campaigns of Qutayba ibn Muslim and the violent suppression of Zoroastrian and Buddhist traditions to the peaceful preaching of Sufi orders (Naqshbandiya, Yasawiya) in the 9th–12th centuries. Special attention is paid to the synthesis of Islamic norms with local pre-Islamic beliefs (cult of saints, mazars), which led to the formation of a unique regional "folk Islam". In conclusion, it is shown that by the 15th century, Islam became not only the dominant religion but also the foundation of statehood, law, and cultural identity of the peoples of Central Asia.

Key words: Islam, Central Asia, Arab conquests, Islamization, Sufism, Naqshbandiyya, Mazars, Folk Islam

Annotatsiya: Ushbu maqolada VIII asrda arab istilosidan keyin boshlangan O'rta Osiyo (Movarounnahr) hududida islom dinining bosqichma-bosqich o'rnatilish jarayoni ko'rib chiqiladi. Islomlashuvning asosiy bosqichlari tahlil qilinadi: Qutayba ibn Muslimning harbiy yurishlari va zardushtiylik hamda buddaviylik an'analarining zo'rlik bilan yo'q qilinishidan tortib, IX–XII asrlardagi so'fiylik tariqatlari (Naqshbandiya, Yasaviya) tomonidan olib borilgan tinch targ'ibotgacha. Alohida e'tibor islom me'yorlarining mahalliy islomgacha bo'lgan e'tiqodlar (avliyolarga sig'inish, mozorlar) bilan sinteziga qaratilgan bo'lib, bu noyob mintaqaviy "xalq islomi" ning shakllanishiga olib keldi. Xulosa qilib aytganda, XV asrga kelib islom nafaqat hukmron din, balki O'rta

Osiyo xalqlarining davlatchiligi, huquq tizimi va madaniy o'ziga xosligining asosiga aylangani ko'rsatilgan.

Kalit so'zlar: *Islom, O'rta Osiyo, Arab istilolari, Islomlashuv, Tasavvuf, Naqshbandiya, Mozorlar, Xalq islomi*

Введение

Распространение ислама в Средней Азии представляет собой один из самых сложных и многогранных процессов в истории региона, растянувшийся на несколько столетий. До появления новой религии на территории Мавераннахра (междуречья Амударьи и Сырдарьи) были широко распространены зороастризм, буддизм, манихейство, христианство несторианского толка, а также различные местные языческие культы – поклонение огню, воде, небесным светилам и предкам. Эта поликонфессиональная картина начала кардинально меняться после вторжения арабских войск в VIII веке.

Решающий этап завоевания связан с именем Кутейбы ибн Муслима, который между 705 и 715 годами подчинил Хорезм, Самарканд, Бухару, Фергану и другие города. Однако военное подчинение отнюдь не означало мгновенной исламизации населения. Первые два века местные жители (согдийцы, хорезмийцы, ферганцы, тюркские племена) сопротивлялись навязыванию чуждой веры, и ислам оставался религией в первую очередь арабских гарнизонов и чиновников. Положение стало меняться с укреплением государственности Саманидов (IX–X века), когда ислам приняла местная персидско-таджикская знать, увидевшая в нём опору для централизации власти и независимости от халифата.

Решающую роль в окончательном утверждении ислама в массах сыграли суфийские братства. В отличие от военных, суфии (Ходжа Ахмед Ясави, шейхи Накшбандийского ордена) проповедовали терпимость, аскетизм и близость к простым людям. Они умело вплетали местные доисламские традиции в исламскую практику – так возник «народный ислам» с почитанием мазаров (гробниц святых) и пиров. К XII–XIII векам ислам стал доминирующей религией кочевников и оседлого населения, хотя пережитки зороастризма и шаманизма сохранялись в отдалённых районах вплоть до монгольского нашествия.

Обзор литературы

Долгое время в историографии доминировал взгляд на распространение ислама в Средней Азии сквозь призму политических событий и завоеваний. Приход ислама в VIII веке традиционно рассматривался как часть арабской экспансии, после чего наступал длительный период его утверждения, растянувшийся вплоть до XVIII–XXI веков. Однако современная литература все дальше уходит от этой линейной схемы «завоевание — обращение — исламизация».

Ключевой методологический сдвиг оформился в западной историографии. Как показывает анализ французской школы центральноазиатских исследований, пройден путь от деконструкции парадигмы «политического ислама» в 1990-е годы к

«антропологическому повороту» 2000-х. Исследователи, такие как Стефан Дудуаньон [4.], перенаправили фокус с анализа формальных религиозных институтов на изучение «повседневного ислама» — локальных практик, ритуалов жизненного цикла и того, как религия проявляла себя не в мечетях и медресе, а в быту земледельцев и скотоводов. Именно это направление, опирающееся на полевые исследования и принцип долгой временной протяженности, позволило увидеть ислам не как монолитную идеологию, а как гибкую систему локальных вариантов и интерпретаций.

Центральное место в современной литературе занимает тезис о суфизме как главном двигателе исламизации. Если ранее исследователи часто концентрировались на роли ортодоксального духовенства, то сейчас практически общепризнанно, что именно суфийские братства (тарикаты) — Ясавийа, Накшбандийа, Кубравийа — обеспечили укоренение ислама среди самых разных слоев населения.

Особое внимание уделяется институциональной роли тарикатов. Доказано, что суфийские шейхи и ишаны играли более значимую роль в социальной и культурной жизни, чем ортодоксальное духовенство. Принцип Накшбандийа — «дил ба ёр, даст ба кор» (сердце — с Богом, руки — в труде) — способствовал интеграции духовности в хозяйственную деятельность, делая религию практичной для ремесленников и торговцев. В историографии все чаще подчеркивается, что именно суфии своими духовными авторитетами и чудесами (карамат) связывали воедино оседлое и кочевое население, выступая посредниками между миром исламской учености и народными верованиями. Сборник статей, посвященный научному наследию Девина ДеВиза [2.], одного из крупнейших специалистов по суфизму в регионе, наглядно демонстрирует, насколько глубоко суфийская агиография и генеалогии святых вплетены в ткань местной истории.

Наиболее острая полемика в литературе разворачивается вокруг характера исламизации кочевых народов, в первую очередь казахов и киргизов. Долгое время — и в российской колониальной администрации, и в советской этнографии — господствовал миф о «поверхностной» исламизации кочевников, сводившейся лишь к формальному соблюдению обрядов при сохранении языческих, «доисламских» адатов (обычного права).

Современные исследования, особенно работа Аллена Франка [1.], опровергают этот упрощенный взгляд, приводя конкретные примеры шариатских дискуссий в казахской степи XVIII–XIX веков. Выясняется, что кочевое общество было гораздо глубже включено в интеллектуальные и правовые процессы исламского мира, чем принято считать. Казахские бии (судьи) часто обучались в медресе Бухары, Самарканда или Ургенча, совмещая в своей деятельности нормы адата и шариата. Адат и шариат не противопоставлялись друг другу как «народное» и «ортодоксальное», а сосуществовали и взаимно адаптировались.

Отдельный пласт литературы посвящен проблеме синкретизма — сосуществованию и борьбе исламских норм с доисламскими верованиями. Эта тема стала особенно актуальной после того, как в научный оборот были введены уникальные этнографические источники. Например, материалы, собранные С.М. Дудиным [3.] в 1900–1902 годах, наглядно фиксируют значительно большее влияние ислама на повседневную культуру оседлых узбеков и таджиков, чем на кочевников, но одновременно показывают повсеместное сохранение доисламских практик — от гаданий по Корану до целительских обрядов.

В современной антропологии религии эта проблема рассматривается в иной плоскости: не как «пережитки язычества», а как сложившийся «бытовой ислам». В его рамках почитание местных святых (зиярат) и обращение к целителям-знахарям не противопоставляются ортодоксальному исламу, а интерпретируются верующими как часть предопределенного Богом миропорядка, где Аллах создал не только болезнь, но и средство для ее исцеления. Исследования показывают, что существовали сложные механизмы легитимации таких практик с помощью выборочного цитирования Корана и хадисов.

Методы исследования

Для решения поставленных задач и достижения цели данной работы был применён комплексный подход, объединяющий как традиционные общенаучные методы, так и специальные исторические приёмы, а также элементы смежных дисциплин. Такой синтез позволил всесторонне рассмотреть процесс распространения ислама в Средней Азии, учесть его хронологическую протяжённость, географическую неоднородность и социокультурную сложность.

Прежде всего, в работе широко используется историко-генетический метод, который даёт возможность последовательно, шаг за шагом, воссоздать цепь событий, приведших к утверждению ислама в регионе. Этот метод требует скрупулёзного отслеживания переходов: от доисламской поликонфессиональности (зороастризм, буддизм, манихейство, несторианство, тенгрианство) к военному этапу арабских завоеваний в VIII веке, затем – к постепенной адаптации ислама при Саманидах в IX–X веках, потом – к решающей роли суфийских братств в XI–XII веках и, наконец, к окончательной институционализации ислама как государственной религии при Тимуридах в XIV–XV веках. Историко-генетический подход также помогает выявить причинно-следственные связи: почему, например, именно города (Бухара, Самарканд, Хива) стали опорными пунктами исламизации быстрее, чем степные кочевые районы, и как монгольское нашествие XIII века, вопреки ожиданиям, не уничтожило мусульманскую идентичность, а напротив, привело к её усилению после принятия ислама золотоордынскими ханами.

Сравнительно-исторический метод выступает как важнейший инструмент анализа. Он позволяет сопоставлять разные географические зоны Средней Азии: оседлые земледельческие оазисы (Согдиана, Хорезм, Фергана) и степные пространства, населённые тюркскими и монгольскими кочевниками. Сравнение

показывает, что если в городах ислам утверждался через строительство мечетей, медресе и введение шариатских судов, то среди кочевников ключевую роль играли суфийские проповедники, адаптировавшие исламские нормы к родо-племенному укладу (почитание святых, паломничество к мазарам). Кроме того, сравнительный метод применяется для анализа эффективности разных механизмов исламизации: военного давления (походы Кутейбы ибн Муслима), экономической мотивации (освобождение от джизьи для новообращённых), культурной диффузии (персидско-арабская книжность) и проповеднической деятельности (суфийские ханаки). Сопоставление этих механизмов позволяет сделать вывод, что именно комплексный, а не какой-либо один фактор привёл к устойчивому успеху ислама в регионе.

Историко-системный метод ориентирует на рассмотрение ислама не как изолированного религиозного феномена, а как неотъемлемой части социально-политической и культурной системы средневекового среднеазиатского общества. В рамках этого метода анализируется, как исламские институты (вакуфное имущество, суды кадиев, медресе) встраивались в существовавшие структуры власти — от арабского наместничества до независимых династий Саманидов, Караханидов и Тимуридов. Также исследуется обратная связь: как местные политические традиции (например, сакрализация правителя, характерная для доисламской Средней Азии) влияли на интерпретацию исламских понятий (например, понятия «султан» как тени Аллаха на земле). Системный подход помогает избежать упрощённых трактовок, показывая, что распространение ислама меняло не только религиозную сферу, но и экономику (введение мусульманских норм налогообложения и наследования), право (шариат постепенно вытеснял согдийское и тюркское обычное право), образование (возникновение медресе) и даже градостроительство (центром города становится соборная мечеть).

Таким образом, сочетание перечисленных методов позволяет создать многомерную, эмпирически обоснованную и теоретически осмысленную картину распространения ислама в Средней Азии, учитывающую как общие закономерности (этапы, движущие силы), так и региональные особенности.

Результаты

Применение комплекса исторических методов и данных смежных дисциплин позволило воссоздать многомерную картину распространения ислама в Средней Азии. Основные результаты сводятся к следующим положениям.

1. Исламизация была растянута во времени и прошла пять этапов. Анализ хроник, хроник и агиографий показал, что утверждение ислама не являлось одномоментным следствием арабских завоеваний. Процесс включал: военно-политическое подчинение (VIII в.), добровольное обращение элит при Саманидах (IX–X вв.), массовую проповедь суфийских братств (XI–XII вв.), государственное принятие ислама в Золотой Орде (XIII в.) и окончательную институционализацию при Тимуридах (XIV–XV вв.). Монгольское завоевание, вопреки ожиданиям, не

ослабило, а в долгосрочной перспективе усилило позиции ислама, сделав его государственной религией.

2. Оазисы и степь исламизировались по-разному. Сравнение показало, что в городах (Бухара, Самарканд) ислам закреплялся через строительство мечетей, медресе и введение шариатских судов. У кочевников же главными действующими лицами стали суфийские шейхи, которые приспособляли исламские нормы к родо-племенному быту. Успех ислама в регионе в целом обеспечило не какое-то одно средство (сила, налоги, проповедь), а их комбинация.

3. Ислам изменил не только веру, но и общество. Системный анализ вакуфных грамот, монет и правовых документов выявил глубокие сдвиги в экономике (новые правила наследования и налогообложения), политике (сакрализация правителя в исламских терминах) и праве (шариат постепенно теснил местное обычное право, хотя и не вытеснил его полностью).

4. Выделено три типа религиозности. Типологический метод позволил разграничить: а) «книжный ислам» образованных улемов, строго следующих шариату; б) «народный ислам», впитавший доисламские верования (культ святых, паломничество к мазарам, обереги); в) суфийский ислам, служивший мостом между первыми двумя, облакавший мистические идеи в доступные формы.

5. Доисламские верования не исчезли бесследно. С помощью ретроспективного метода и этнографических данных выяснено, что ислам не стер прежние культы, а во многом абсорбировал их. Почитание святых мест и целительские обряды, бытующие до сих пор, часто имеют зороастрийские или тенгрианские корни.

6. Междисциплинарные данные подтверждают выводы. Лингвистика зафиксировала, что религиозная терминология приходила к тюркам-кочевникам преимущественно через персидский язык. Данные географии подтвердили, что ислам быстрее всего распространялся вдоль караванных путей Шёлкового пути.

В целом, полученные результаты рисуют исламизацию не как линейное насаждение, а как долгий, гибкий и многовариантный процесс культурного синтеза.

Обсуждение

Одним из центральных выводов работы является констатация глубокого синкретического характера ислама, утвердившегося в Средней Азии. Полученные данные подтверждают, что местная форма ислама сложилась в результате симбиоза ортодоксальной доктрины с доисламскими верованиями — зороастризмом, тенгрианством, шаманизмом и анимистическими культами. Этот синкретизм не следует трактовать как «искажение» или «неполноценность» ислама. Как показывает анализ, именно через встраивание привычных ритуалов (почитание святых мест, культ предков, использование оберегов) новая религия становилась понятной и принимаемой широкими слоями населения.

Наши результаты согласуются с позицией Ш. Ёвкочева, который рассматривает местный ислам как продукт симбиоза, а не механического замещения прежних верований. Эта точка зрения противостоит более ранним подходам, оценивавшим

среднеазиатский ислам через призму «ортодоксальности» аравийского образца. Следует признать, что «народный ислам» с его зияратами, культом святых и целительскими практиками был не периферийным явлением, а магистральной формой бытования религии, особенно в сельской местности и кочевой среде.

Сравнительный анализ подтвердил существенную неоднородность процесса исламизации в географическом и хозяйственно-культурном измерениях. В оседлых оазисах (Мавераннахр) ислам утверждался через формальные институты: мечети, медресе, шариатские суды, систему вакфов — и уже к IX-X векам стал доминирующей религией. Иначе обстояло дело в кочевой степи, где принятие ислама тюркскими и монгольскими племенами растянулось на столетия. Как отмечается в литературе, кочевые народы региона приняли мусульманство значительно позднее оседлых, а отсутствие ранних письменных источников и опора на устную фольклорную традицию наложили отпечаток на весь процесс.

Решающим фактором исламизации степи стала деятельность суфийских братств, в особенности ордена Ясавийа, основанного Ходжой Ахметом Ясави. Исследователи подчеркивают, что именно ясавийский суфизм, адаптировавший исламскую мистику к тюркской культурной среде, сыграл ключевую роль в религиозном становлении народов Центральной Азии. Суфийские проповедники, в отличие от улемов, не требовали немедленного отказа от традиций; они использовали язык, символы и ритуальные формы, близкие кочевому мировосприятию, что обеспечило постепенную и глубокую рецепцию ислама.

Полученные результаты подтверждают значимость конкретных исторических фигур и событий как катализаторов исламизации. В ранний период (VIII век) такими фигурами выступали арабские военачальники, прежде всего Кутайба ибн Муслим, чьи походы в Мавераннахр заложили политическую основу для последующей религиозной экспансии. Однако военный фактор сам по себе был недостаточен: массовое обращение началось лишь тогда, когда к принуждению добавилась системная работа миссионеров и экономические стимулы.

В истории кочевого мира узловым событием стало принятие ислама в качестве государственной религии Золотой Орды при хане Узбеке в 1313 году. Это решение имело колоссальные последствия для всех тюркских народов — от Крыма до Сибири — и предопределило мусульманскую идентичность Казахского ханства в XV веке, где ханы и бии опирались на ислам в управлении, а религиозные ученые (хазреты, ишаны) играли заметную роль в духовном воспитании народа.

Заключение

Проведённое исследование позволило прийти к выводу, что распространение ислама в Средней Азии представляло собой длительный, многоэтапный и внутренне неоднородный процесс, растянувшийся с VIII по XV век. Переход от доисламского поликонфессионального ландшафта к доминированию ислама происходил не одновременно, а через последовательную смену движущих сил: от военной экспансии арабов к культурному влиянию Саманидов, затем к миссионерской

деятельности суфийских братств и, наконец, к государственной политике золотоордынских ханов и Тимуридов.

Главными действующими лицами исламизации — особенно в кочевой среде — выступили не столько улемы и официальные институты, сколько суфийские ордена, прежде всего Ясавийя, Накшбандийя и Кубравийя. Их успех был обусловлен способностью адаптировать исламские нормы к местным традициям, не требуя немедленного и полного разрыва с прежним укладом. Именно суфизм стал мостом между книжной учёностью и народной обрядностью, между городской культурой оазисов и родо-племенным бытом степи.

Утвердившийся в регионе ислам приобрёл выраженный синкретический характер. Доисламские верования — зороастризм, тенгрианство, культ предков — не были уничтожены, а оказались встроены в новую религиозную систему через почитание мазаров, целительские практики и ритуалы жизненного цикла. Этот синкретизм следует рассматривать не как искажение ортодоксии, а как продуктивный механизм культурной адаптации, обеспечивший глубину и устойчивость исламизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллен Франк., “Мусульманские религиозные институты в императорской России”. - Нидерланды: Издательство, 2001
2. Девина ДеВиза., “Исламизация и местная религия в Золотой Орде”. - США: Издательство, 1994
3. С.М. Дудиным., “Отчет С.М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900-1902 гг.”- Москва: Издательство, 2021
4. Стефан Дудуаньон., “Общинная солидарность и социальное обеспечение в Центральной Азии”. - 1999